УДК 82-94

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА В МНЕМОНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

***С. Г. Кузьмина*[1, @]**

[1] *Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова*
[@] *llietuvis@list.ru*

Статья написана на материале мнемонических текстов, созданных представителями разных национальных культур (русской, польской, литовской), и преследует цель обосновать факт влияния национального менталитета на когнитивный процесс воспоминания. Данная цель достигается путем установления лингвистических средств выражения национального и инонационального компонентов в языковой картине мира автора мемуарного текста, а также фиксации особенностей обращения мнемонического повествователя к национально-культурным реалиям. Для решения поставленных задач используются методы дескриптивного и контекстологического анализа, а также метод количественного подсчета. Результаты исследования предлагаются в дискурсивной проекции, продолжают разработку понятий «мнемонический дискурс» и «когнитивно-речевой субъект» применительно к автору мнемонического текста. Данная научная работа доказывает, что особенности менталитета вспоминающего «Я», которые включают как национальную самоидентификацию, так и опыт межнациональных взаимоотношений, не только оказывают прямое влияние на процесс ментальной реконструкции прошлого, но и способствуют созданию национально-культурного контекста в мнемоническом дискурсе.

Ключевые слова: национальный менталитет, национально-языковая картина мира, мнемонический повествователь, мнемонический дискурс.

Для цитирования: Кузьмина С. Г. Формирование национально-культурного контекста в мнемоническом дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 187 – 192.

Память как ментальная реконструкция прошлого является одним из когнитивных факторов, влияющих на создание текста в мнемоническом (ретроспективном) дискурсе. Воспоминания человека тесно связаны с гносеологическим понятием «образ мира» или «картина мира», формирующимся в результате усвоения социальных и исторических знаний, которые генерируются культурой и охватывают не только универсальные, но и национальные понятия, явления определенного ареала и определенного времени. Вербализация опыта национальной культуры происходит через номинацию, отражающую национальную культуру этноса [3, с. 419].

Система вербальных знаков, отражающих социально-историческое, духовно-культурное восприятие действительности национальным союзом людей, рассматривается как национально-языковая картина мира [7, с. 439]. Языковая картина мира коррелирует с понятием структуры языковой личности Ю. Н. Караулова. Носителем национального начала в этой структуре выступает относительно устойчивая во времени ее часть, которая является продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта [2, с. 42].

Языковая личность автора мнемонического текста является одним из аспектов его творческой личности как «когнитивно-речевого субъекта» наряду с личностью познающей, коммуникативной и дискурсивной [5, с. 11]. Национально-культурная составляющая структуры языковой личности мнемонического автора проявляется в использовании языковых единиц, характеризующих национальные представления жизненного устройства человека, а также текстов речевой субкультуры, представляющей область коллективного народного творчества [8, с. 246]. Они формируют национально-культурный контекст, анализ которого позволяет доказать, что национально-культурные концепты в языковой картине мира автора являются неотъемлемой частью когнитивной базы, на которой строится воспоминание.

Рассмотрим средства формирования национально-культурного контекста в мнемоническом дискурсе на примере личных писем и мемуаров, авторы которых представляют разные национальные культуры: русскую, литовскую, польскую.

Анализ фронтовых писем летчика-истребителя Александра Хватова говорит о свободном владении автора русской идиоматикой, сведениями из русской истории и литературы, о знании текстовых образцов народного творчества и речевой субкультуры довоенного периода нашей страны. В первую очередь следует назвать русские пословицы, которыми автор писем периодически подкрепляет свои мысли: *Ты будешь неизмеримо выше меня по образованию и можешь сказать: «Гусь свинье не товарищ»* [6, с. 310]; *Клянусь, я никогда не отступлю перед врагом. «Или голова в кустах, или грудь в крестах» – верно?* [6, с. 320]; *Но ведь без труда не выловишь и рыбку из пруда, как говорится* [6, с. 321]; *Как говорится, гора с горой не сходится, а человек с человеком – всегда* [6, с. 323]; *И сказали бы люди – «ни богу свечка, ни черту кочерга»* [6, с. 325]; *Убьют, тогда, как говорят, на нет и суда нет* [6, с. 332]; *Ну, думаю, на безрыбье и рак рыба* [6, с. 335].

Специфическое восприятие мира носителями каждого конкретного языка отражают фразеологиические единицы. Устойчивые обороты, входящие в русскую национально-языковую картину мира, свободно встраиваются в тексты писем. Некоторые из них подвергаются варьированию путем изменения лексического

состава при сохранении общего значения фразеологизма: *и это будет не первый снег на голову* [6, с. 310]; *опротивела эта жизнь школьная хуже горькой редьки* [6, с. 317]; *все, что происходит сейчас, – цветочки, а ягодки, зимние ягодки, будут еще впереди* [6, с. 320]; *а теперь вообще море по колено. Правда, иногда бывает лужа по уши, но ведь не без этого* [6, с. 332].

Национально-культурный контекст анализируемых писем формируется и путем использования прецедентных феноменов, вызывающих прогнозируемые ассоциации, которые одинаковы для представителей одного лингвокультурного сообщества. Среди национально маркированных прецедентных феноменов встречаются:

– прецедентные имена, т. е. имена известных в национальной среде лиц, литературных героев, природных объектов, историко-культурных памятников: *Этот год должен принести нам победу, как он принес ее семьсот лет тому назад Александру Невскому, разгромившему на льду Чудского озера немецких псов-рыцарей* [6, с. 321]; *Он стал похож на толстовского иностранного принца, того самого, о котором Вронский говорил Анне* [6, с. 315];

– прецедентные тексты, в частности тексты песен, выражающих коллективное мироощущение нации в период Великой Отечественной войны: *Если я останусь жив, то после того как пройдет товарищ все бои и войны, не зная сна, не зная тишины, любимый город другу улыбнется, знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд* [6, с. 314].

Человек воспринимает мир сквозь призму принятых в этнокультурной общности ценностных установок. Одной из наиболее значимых общечеловеческих ценностей является мирная жизнь и ненависть к тем, кто на нее посягает. Поэтому воспоминания А. Хватова о довоенной жизни связаны с понятием-признаком «золотой»: *С грустью гляжу на золотые поля и думаю: осень была для нас с тобой золотым временем года* [6, с. 314]; *Вспоминаются школьные весенние месяцы. Да, это было золотое времечко!* [6, с. 322].

Ассоциативно-образной связью обусловлено использование имен представителей животного мира, которые в русской национально-языковой картине мира символизируют зло и смерть: *фашистские стервятники, фашистские черные вороны.* Другие обозначения жестокого врага имеют в письмах также отрицательные коннотации: *фашистская сволочь, гады, звероподобные фашисты, озверелый фашизм.*

В русском национальном менталитете понятие «воюющий и защищающий» связано с понятием-признаком «кровавый», так как русскому человеку невозможно представить отечественную историю без кровопролитных войн за сохранение своего права на жизнь: *Мы не подготовили бы себя к разгрому германского фашизма, в кровавом угаре задумавшего сделать нас рабами* [6, с. 320].

Следует отметить, что особое место в структуре национально-языковой картины мира занимают знания о межкультурном и межнациональном взаимодействии людей. Поскольку во все времена человек в большей или меньшей степени сталкивается с проблемой этнокультурных различий, интерес к представителям других национальных групп и к системе их ценностей никогда не пропадает. Эти знания проявляются в различных формах актуализации национального самосознания и отношения автора мемуарного текста к другим народам и этносам. Примером может служить отрывок из мемуаров Б. Сруоги «Dievų miškas», в котором рассказывается о вербовке литовской молодежи в ряды СС: *Jaunimas bausmių nenusigąsta. Jaunimas į SS neina. Jaunimas traukia: «Tu girele, tu žalioji…». Jaunimas traukia į žaliąją girelę* [12, с. 13] *(Молодежь не боится наказания. Молодежь не идет в СС. Молодежь запевает: «Ты дремучий, ты зеленый…» Молодежь уходит в дремучий зеленый (здесь и далее пер. С. Г. Кузьминой))*.

Слова песни и эвфемизм *Jaunimas traukia į žaliąją girelę* имплицирует стремление молодых людей вступать в нацистскую организацию «Лесные братья». Непрямая передача конкретной информации доказывает факт закрепления в подсознании автора норм и ценностей того социума, в котором произошло становление его личности. К ним относятся осторожность и скрытность, присущие литовскому менталитету, а также осознание возможной ответственности за оценку деятельности преступной организации.

Такие особенности польского менталитета как хара́ктерность и патриотизм раскрываются в описании родственного лица автора мемуаров И. Хмелевской: *Starający się, późniejszy wujek Olek, przychodził z wizytą, ciotka* ***kazała mówić, że jej nie ma w domu, wyśmiewała go i lżyła wszelkimi siłami, ręki odmawiała****, po czym, kiedy zabrali go żandarmi, dostała szału i jak prawdziwa* ***Polka – patriotka*** *popędziła za nim* [10, с. 13] *(Когда следующим пришел свататься дядя Олек, тетка просила говорить, что ее нет дома, высмеивала его и унижала всякими способами, отказывалась выходить за него замуж. А когда его забрали жандармы, она достала шаль и, как настоящая полька-патриотка, поехала за ним)*.

В текстах мнемонического дискурса используются разнообразные виды визуального и интеллектуального освоения информации: семантического, фонематического, зрительного и других [1, с. 352]. Широкое употребление в мнемоническом повествовании антропонимов, топонимов и разных форм датирования служит не только для обозначения личностных и пространственно-временных координат изображаемой действительности, но и является сигналом субъективно отмеченного фокусирования событий, важных для самораскрытия и развития вспоминающего «Я» [4, с. 50].

Рассмотрим пример описания Б. Сруогой концлагеря Штутгоф – места событий, которым посвящена его автобиографическая повесть: *Liūnai, kemsynai, kalneliai. Ant kalnelių, kažkieno galios supiltų iš balto smėlelio, – pušaitės, aukštos ir lieknos it senoviško ješiboto auklėtinės. Pakalnėlėse – berželiai, tokie paliegę, tokie nuskurdę, tarytum saulaitės malonės užmiršti našlaičiai našlaitėliai <...> Iki 1939 metų tai buvo mažai kam žinomas užkemsys. Šalia jos merdėjo mažas miestukas, beveik kaimas, Štuthofas, kokių Vokietijoje buvo tūkstančiai* [12, с. 1 – 2] *(Болота, кочки, пригорки. На пригорках, каким-то образом заметенных белым*

песком, стоят сосны, высокие и стройные, как выпускницы старомодного ешибота. На склоне горы растут березы, такие хилые, такие убогие, словно сироты-сиротинушки, обделенные солнечным теплом <...> До 1939-го это было мало кому известное болото. Рядом с ним умирал маленький городок, почти деревня, Штутгоф, каких в Германии было тысячи).

Автор традиционно начинает с описания места действия. Безрадостная атмосфера и запущенность местности вокруг городка Штутгоф выражается семантикой лексем *liūnai, kemsynai, paliegę, nuskurdę, užmiršti, našlaitėliai, užkemsys, merdėjo,* в которых превалируют отрицательные коннотации. На наш взгляд, отрицательные ассоциации, связанные в сознании автора с описываемой местностью, стали следствием негативного опыта, полученного им во время пребывания в концлагере. Следует обратить внимание на то, что использованное в описываемом тексте сравнение *it senoviško ješiboto auklėtinės* имеет национально-культурную окраску и связано с традициями еврейского народа. Это свидетельствует о закрепленности данной инонациональной реалии в картине мира вспоминающего «я», что нашло отражение в продуцируемом им тексте. Возможны две интерпретации того подтекста, который возникает в связи с использованием данного сравнительного оборота:

1) он имеет положительную коннотацию, поскольку в его лексическом окружении есть слова с позитивным оценочным значением *aukštas* и *lieknas*, которые контрастируют с общей отрицательной атмосферой описываемой местности;

2) он имеет отрицательную коннотацию, поскольку сравнительный оборот употребляется в описании угнетающей атмосферы, которую поддерживает семантика лексемы *senoviškas* (‘старомодный’ [11, с. 723]) с негативным оттенком.

Дальнейшее описание Штутгофа представляет собой характеристику его населения, в которой выражается авторское представление о чужом народе. Национально-культурный контекст формируется путем перечисления традиционных для местных жителей действий и желаний, которые в сознании автора сложились в картину нравов и обычаев этого народа: *Ir gyveno čionai patys nuobodžiausi žmonės Europoje – Prūsų vokiečiai, paskendę šiokiadienėje dvasios menkystoje, garbinę policininką ir virtuvę, laukuję tvarką ir alų, galėję ištisą savaitę duonos nevalgyti, kad tiktai šventadieniais jiems būtų leista karingu žingsniu iškilmingai gatvėmis pradūlinti ir didžiulį būgną pabambinti* [12, с. 3] *(И жили там самые скучные люди в Европе – прусские немцы, которые каждый день тонули в духовном убожестве, поклонялись полицейским и кухне, жаждали порядка и пива, могли не есть хлеба целую неделю, чтобы только по праздникам им позволили торжественно пройтись по улицам военным шагом и постучать в огромный барабан).*

Приведенный отрывок содержит номинацию народа (*Prūsų vokiečiai*) и авторскую негативную оценку, которая проявляется в семантике словосочетаний *nuobodžiausi žmonės Europoje* и *paskendę dvasios menkystoje,* а также в употреблении зевгмы *garbinę policininką ir virtuvę* и *laukuję tvarką ir alų.*

Для подтверждения принадлежности описываемых земель в былые времена своему народу, Б. Сруога акцентирует внимание на литовской мифологии, которая возникла на данной территории и теперь передается устами местных жителей: *Dievų miškas! – taip ši vietelė žmonėse iš senų senovės vadinosi. Kadaise, labai seniai, šiame miške dievai gyvenę. Savotiški dievai.* ***Ne germaniškos kilmės. Ne Votanas, ne Toras.*** *Gyvenę tenai* ***lietuviškųjų dievų palikuonys.*** *Gdansko apylinkės vietovės iš viso gana turtingos senovės padavimais ir legendomis, kuriose nuostabiu būdu veikia* ***lietuviškos kilmės ir lietuviškais vardais personažai. Perkūnas, Jūratė, Laumė, Patrimpas – nuolatiniai*** *Gdansko srities jūros* ***pakrančių****, ežerų ir miškų gyventojai,* ***nors tuos padavimus ir pasakoja Prūsijos piliečiai****, besivadiną vokiečiais* [12, с. 4] *(Лес богов! – так это место называли люди в старые времена. Когда-то очень давно в этом лесу жили боги. Своеобразные боги. Не германского происхождения. Не Вотан, не Тор. Жили там потомки литовских богов. Окрестности Гданьска вообще богаты старинными легендами и сказаниями, в которых совершают удивительные подвиги герои литовского происхождения, носящие литовские имена. Пяркунас, Юрате, Лауме, Патримпас – постоянные жители морского побережья у Гданьска, тамошних озер и лесов, хотя о них рассказывают прусские жители, называющие себя немцами).*

Чтобы выразить негодование по поводу исторической несправедливости и полную убежденность в том, что на описываемой территории жил литовский народ или, по крайней мере, родственное балтийское племя пруссов (*Prūsijos piliečiai*), автор использует:

1) многократный повтор наименования своего этноса: *lietuviškas*;

2) перечисление имен литовских языческих богов (*Perkūnas, Jūratė, Laumė, Patrimpas*) в противопоставлении именам германских богов с отрицательной частицей: *ne Votanas, ne Toras*;

3) причастный оборот *besivadiną vokiečiais*, в котором имплицитно присутствует сожаление автора о том, что современные пруссы относят себя к германцам и к немецкой культуре.

Противопоставляя красоту мифологического прошлого трагической странице в истории изображаемой местности, на которой развернут фашистский концлагерь, автор использует антитезу dievai – velnius для обозначения тех, кто жил здесь раньше и кто пришел сюда сейчас: *Šiaip buvo čionai tuščia ir nyku. 1939 metais Dievų miškas staiga atgijo, suirzo, suknibždėjo, lyg* ***senlaikių dievai*** *būtų į jį sugrįžę...*

Ne, – jokie dievai tenai negrįžo: apsigyveno jame piliečiai, panašūs į ***velnius*** [12, с. 5] *(Вообще, там было пусто и негостеприимно. В 1939 году лес богов вдруг ожил, зашевелился, встрепенулся, будто вернулись в него стародавние боги… Нет, никакие боги туда не вернулись: там поселились люди, похожие на чертей).*

Анализ примеров из автобиографической повести Б. Сруоги подтверждает, на наш взгляд, факт влияния национального самосознания автора и его отношения к другому этносу на формирование изображаемого мира в его воспоминаниях.

Исследуемый материал показывает, что мнемонический автор нередко обращается к национальной стороне своего происхождения. Так, И. Хмелевская определенную часть воспоминаний посвящает национальной принадлежности своих предков, которая актуализируется именами собственными: географическими именами *Ukraina, Tończa, Mazowsze, Warszawa, Niemcy* и личными именами *Wojtyra, Bandera, Szpitalewski, Becker, Koch, Szwarc, Borkowskie, Luzińskie, Michaliki: Podobno ktoś się wywodził z* ***Ukrainy****, ale nie udało mi się dotychczas stwierdzić, kto, prababcia czy pradziadek. Może obydwoje, ale to chyba niemożliwe, bo pradziadek rzeczywiście miał po przodkach posiadłość w* ***Tończy****, raczej od* ***Ukrainy*** *odległej, więc może prababcia <...> Z drugiej znów strony pradziadek nazywał się* ***Wojtyra****,* ***Banderę*** *to jakoby nieco przypomina, zaznaczam, że wyłącznie brzmieniem, więc już w końcu sama nie wiem.* ***Szpitalewski na Ukrainie****, a* ***Wojtyra na Mazowszu****…? Coś mi nie gra <...> Zesłanie trwało krótko, po dwóch latach mogli już chyba wrócić, bo druga córka babci, Lucyna, urodziła się w* ***Warszawie*** *<...> Przez całe lata słyszałam gadanie, jak to pradziadek przybył z* ***Niemiec*** *i nie umiał po polsku i gryzłam się tą niemieckością, potwierdzoną panieńskimi nazwiskami babek i prababek.* ***Becker, Koch, Szwarc*** *mówiły same za siebie. Na szczęście mój stryj zadał sobie trud sprawdzenia, co się w tej rodzinie działo, i wyszło na jaw, iż na tych trzech niemieckość się wyczerpała, reszta to już były* ***Borkowskie, Luzińskie i Michaliki*** [10, с. 10 – 11] *(Якобы кто-то из них был родом с Украины, однако мне до сих пор не удалось узнать, кто: прабабка или прадед. Может быть, оба, но это невозможно, потому что предки деда точно жили в Тончи, а это довольно далеко от Украины. Так что, скорее всего, прабабка <...> Опять же, с другой стороны, прадеда звали Войтыра. Напоминает Бандеру, но отмечу, что это только звуковое сходство. Короче, сама не знаю. Шпиталевский на Украине, а Войтыра на Мазовше…? Что-то тут не сходится <...> Ссылка длилась недолго, и через два года они уже могли вернуться, потому что вторая дочь бабушки, Лючина, родилась в Варшаве <...> Много лет мне говорили, что мой прадед был из Германии и не знал польского. Я мучилась этой (немецкостью), вдобавок подтвержденной фамилиями бабок и прабабок. Беккер, Кох, Шварц говорили сами за себя. К счастью, мой дядя задался целью выясниться, что творилось в нашем роду, и оказалось, что на тех трех немчура себя исчерпала, остальные уж были Борковские, Лужинские и Михалики).*

Из приведенного отрывка видно, что национальное происхождение играет для автора немаловажную роль. Мнемонический повествователь досконально вспоминает место рождения и судьбу каждого родственника, особо останавливаясь на непольском происхождении своих предков. У И. Хмелевской вызывают сомнение украинские корни своих прадедов, и она пытается доказать польское происхождение одного из них с помощью польских имен: топонима *Tończa* и антропонима *Szpitalewski,* однако украинские антропонимы *Wojtyra* и *Bandera* заставляют автора оставить свои попытки, что актуализируется в устойчивом выражении *Coś mi nie gra*. Что касается немецкого происхождения своих предков, то автор воспоминаний выражает негативное отношение к данному факту, что выражается в семантике лексем *gryzłam się* и *na szczęście*.

В акцентировании внимания на национальном происхождении и доскональном знании истории предков проявляются, на наш взгляд, особенности менталитета этноса, к которому относит себя вспоминающее «я» И. Хмелевской, а именно такие его отличительные черты, как ревностное соблюдение национальной чистоты и негативное отношение к немцам.

Национальное самосознание мнемонического автора может проявляться в сравнении или противопоставлении поведенческих реакций представителей разных национальностей в одной ситуации. Так, в воспоминаниях узника концлагеря Штутгоф Б. Сруоги обращается внимание на неодинаковое отношение литовцев, поляков и немцев к одной и той же категории заключенных: ***Lietuviškoji lagerio kolona*** *išdavikų atžvilgiu laikėsi* ***santūriai, nesimušdavo****. Bet vos tik* ***lenkai*** *ar* ***vokiečiai*** *sužinodavo, kad išdavikas atėjo, jie jam* ***atlygindavo savo iniciatyva – ir su dideliu pasitenkinimu*** [12, с. 71] *(Литовские заключенные к предателям относились спокойно, не били их. А полякам и немцам только стоило узнать, что в лагерь прибыли предатели, они брались за них с особой инициативой и с большим удовольствием).*

Позиционирование себя с положительной стороны на фоне негативной характеристики отдельных представителей других национальностей дает основание полагать, что автор хотел обратить внимание читателя на определенные черты национального менталитета. Так, при описании литовского населения концлагеря (*Lietuviškoji lagerio kolona)* Б. Сруога использует лексему с положительной в данном случае оценкой *santūriai* и отрицание в сочетании с лексемой со значением ‘бить’ *mušti*. По контексту высказывания ясно, что автор имеет интенцию дать полякам и немцам (*lenkai, vokiečiai*) отрицательную характеристику, но он в силу собственных причин (боязнь последствий за высказанное мнение или желание придать смыслу высказывания бóльшую экспрессивность) не делает этого открыто, а имплицирует свои позиции с помощью устойчивого выражения *atlyginduoti iniciatyvą* и словосочетания *didelis pasitenkinimis*, которые вне контекста несут в себе положительную семантику, однако в сочетании с предыдущим высказыванием получают прямо противоположное значение.

Актуализация личностных особенностей персонажей, фигурирующих в текстах мнемонического дискурса, возможна также через воспроизведение их речи. Так, использование бранной лексики на языке народа, которому принадлежит субъект речи, помогает автору дать отрицательную характеристику говорящим лицам:

Lagerio viršininkas rėkia į tai: ***“Sauhund! Scheisse!”*** [12, с. 85] (*Начальник лагеря кричал на это: «Собака! Дерьмо!»).*

Kur buvo tavo Ukraina, ***psiakrew****, prieš karą?* [12, с. 93] *(Где была твоя Украина до войны, собачья ты кровь?).*

Jūs, lietuviai, ***psiakrew****, pagrobėt iš* ***mūsų Vilnių****!* [12, с. 67] *(Вы, литовцы, кровь собачья, из нашей Вильны взялись!).*

Однако следует помнить, что негативное отношение к отдельным представителям той или иной национальности не означает, что оно распространяется на данный народ вообще.

Следует отметить, что степень вовлеченности представителей разных народов в изображаемый мир воспоминающего «я» зависит от концептуально-тематической стратегии автора мнемонического текста. Так, в мемуарах польского писателя М. Бялошевского «Pamiętnik z powstania warszawskiego», где автор вспоминает о своем участии в Варшавском восстании 1944-го года, в центре внимания находится собственный народ, проявление польского менталитета в сложный период его истории. Для реализации своей концептуально-тематической стратегии мнемонический автор обращается к религиозным мотивам. В тексте мемуаров регулярно появляются фрагменты пяти молитв и молитвенных песен. Интертекстуальные включения в виде, например трехкратного повтора строк молитвенной песни «Pod Twoją Obronę» [9, с. 63 – 65, с. 137, с. 155] свидетельствуют, во-первых, о глубокой религиозности польского народа, во-вторых, о сильных душевных переживаниях варшавских повстанцев, в-третьих, о состоянии их крайней безысходности, поскольку, как известно, особо активное обращение человека к религии провоцируется его напряженным эмоциональным состоянием. Подтверждением этому служат следующие строки М. Бялошевского:

Aż doszło do tego, że ***w całej Warszawie we wszystkich piwnicach modlili się*** *na głos chórami i śpiewami* ***wszędzie, bez przerwy i wszyscy.*** *Więc co? – Od tej pory, od tego wejścia tam zaczęła się nowa, potwornie* ***długa historia wspólnego życia na tle możlowości śmierci*** [9, с. 24] *(Уже дошло до того, что по всей Варшаве во всех пивнушках молились в голос и пели, не переставая, все без исключения. И что? – В то САмое время, на том самом месте началась новая, чудовищная, бесконечная история жизни на грани смерти).*

Таким образом, в мнемоническом дискурсе всегда находит отражение принадлежность автора той национально-культурной среде, в которой сформировалась его личность, но может создаваться и образ другого народа, о котором в памяти автора сохранились определенные впечатления. Анализ текстов, авторами которых являются представители разных национальных культур, показывает, что формирование национально-культурного контекста в мнемоническом дискурсе неразрывно связано с особенностями менталитета вспоминающего «Я», включающего национальное самосознание и опыт межнациональных взаимоотношений.

Литература

1. Величковский Б. М. Когнитивная наука: основы психологии познания: учебное пособие для студентов вузов по направлению и спец. психологии: в 2 т. М., 2006. Т. 1. 448 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2014. 264 с.
3. Нюбина Л. М. Воспоминание и текст: монография. Смоленск, 2000. 161 с.
4. Нюбина Л. М. Поэтика и прагматика мнемонического повествования: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Смоленск, 2000. 36 с.
5. Пелевина Н. Н. Субъектно-речевая структура научного и художественного текстов: сходства и различия. Абакан, 2007. 210 с.
6. Письма летчика-истребителя Александра Хватова (1941 – 1943 гг.) // Язык. Человек. Культура. Смоленск: СГПУ, 2005. С. 308 – 337.
7. Помыкалова Т. Е. Русская фразеологическая признаковая семантика и национально-языковая картина мира // Реальность, язык и сознание: международный межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Тамбов, 2005. С. 439 – 444.
8. Прожилов А. В. Лингвоконцепты и этностереотипы: к вопросу о неогомбульдианстве в современной лингвоконцептологии // Иностранные языки и межкультурная коммуникация: роль и место в современном образовании: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. И. П. Амзаракова. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2011. С. 246 – 255.
9. Białoszewski M. Pamiętnik z powstania warszawskiego. Warszawa, 2011. 242 s.
10. Chmielewska I. Autobiografia. Tom I. Warszawa, 1993. 280 s.
11. Lyberis A. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Vilnius, 2005. 949 p.
12. Sruoga B. Dievų miškas: memuarai. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 2005. 445 p.

Информация об авторе:

Кузьмина Светлана Геннадьевна – аспирант Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, llietuvis@list.ru.

(**Научный руководитель:** ***Пелевина Надежда Николаевна*** – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, nikolai99@mail.ru).

Статья поступила в редколлегию 28.01.2016 г., принята к печати 23.03.2016 г.

FORMATION OF THE NATIONAL AND CULTURAL CONTEXTS IN THE MNEMONIC DISCOURSE

Svetlana G. Kuzmina [1, @]

[1] *Khakass State University named after N. F. Katanov*
[@] *llietuvis@list.ru*

The paper is based on the material of mnemonic texts created by representatives of Russian, Polish and Lithuanian national cultures. The aim of the paper is to justify the influence of the national mentality on the cognitive process of memory by fixing the linguistic means of actualization of national and international components in the mnemonic author's linguistic picture of the world, and fixing the features of their appeal to national and cultural realities. The main methods of the research are the descriptive analysis, the analysis of the context, and the method of quantification. Results of the research are made through the discourse projection, continuing the development of the concepts "mnemonic discourse" and "cognitive and speech subject" in relation to the mnemonic narrator. The paper proves the fact of influence of the features of the mnemonic narrator's mentality (which includes both the national self-identification, and the experience of international relations) on the cognitive process of reminiscence, and demonstrates the process of creation of national and cultural contexts in the mnemonic discourse.

Keywords: national mentality, national and cultural components of the linguistic picture of the world, mnemonic narrator, mnemonic discourse.

For citation: Kuzmina S. G. Formirovanie natsional'no-kul'turnogo konteksta v mnemonicheskom diskurse [Formation of the national and cultural contexts in the mnemonic discourse]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 187 – 192.

References

1. Velichkovskii B. M. *Kognitivnaia nauka: osnovy psikhologii poznaniia* [Cognitive science: the fundament of psychology of knowledge]. Moscow, vol. 1, 2006, 448.
2. Karaulov Iu. N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [The Russian language and the language personality]. Moscow, 2014, 264.
3. Niubina L. M. *Vospominanie i tekst* [Tne memory and the text]. Smolensk, 2000, 161.
4. Niubina L. M. *Poetika i pragmatika mnemonicheskogo povestvovaniia.* Avtoref. diss. doctora filol. nauk [The poetics and pragmatics of the mnemonic narration. Dr. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Smolensk, 2000, 36.
5. Pelevina N. N. *Sub"ektno-rechevaia struktura nauchnogo i khudozhestvennogo tekstov: skhodstva i razli-chiia* [Subject and speech structures of scientific texts and fiction: similarities and differences]. Abakan, 2007, 210.
6. Pis'ma letchika-istrebitelia Aleksandra Khvatova (1941 – 1943 gg.) [The letters of fighter pilot Alexander Chwatow (1941 – 1943)]. *Iazyk. Chelovek. Kul'tura* [Language. Human. Culture]. Smolensk: SGPU, 2005, 308 – 337.
7. Pomykalova T. E. Russkaia frazeologicheskaia priznakovaia semantika i natsional'no-iazykovaia kartina mira [Russian phraseological sign semantics and national and language pictures of the world]. *Real'nost', iazyk i soznanie: mezhdunarodnyi mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov – Reality, language and cognition: the international interuniversity collection of scientific works,* Tambov, issue 3 (2005): 439 – 444.
8. Prozhilov A. V. Lingvokontsepty i etnostereotipy: k voprosu o neogombul'dianstve v sovremennoi lingvokontseptologii [Linguistic concepts and ethnostereotypes: to the question of the new theory of W. Humboldt in the modern linguistic conceptology]. *Inostrannye iazyki i mezhkul'turnaia kommunikatsiia: rol' i mesto v sovremennom obrazovanii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Foreign languages and intercultural communication: the influence on the modern education: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Ed. Amzarakova I. P. Abakan: Izd-vo KhGU im. N. F. Katanova, 2011, 246 – 255.
9. Bialoszewski M. *Pamentnik z powstanja warshawskego* [The diaries of Warsaw revolt]. Warsaw, 2011, 242.
10. Chmielewska I. *Autobiografia* [The autobiography]. Warshawa, 1993, vol. I, 280.
11. Lyberis A. *Lietuviuu-rusuu kalbuu zxodynas* [Lithuaian-Russian dictionary]. Vilnius, 2005, 949.
12. Sruoga B. *Dievuu misxkas: memuarai* [The forest of Gods: memoirs]. Vilnius: Lietuvos rasxytojuu saajungos leidykla, 2005, 445.

Received 28.01.2016, accepted 23.03.2016.